

Н.А. Рожков

К ИСТОРИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА В СИБИРИ. Экономический быт Макаровской волости Киренского уезда в конце XVIII и первой половине XIX века*

I Источники

В музее Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества в Иркутске хранится, между прочим, значительное количество так называемых волостных дел. Заинтересовавшись этими делами, я, с разрешения Распорядительного комитета Отдела, взялся за их разборку, приведение в порядок и исследование.

Знакомство с этими волостными делами показало, что все они касаются почти исключительно одной только Макаровской волости (исключения — редки) и охватывают время с 1768 по 1871 год. Дела были в беспорядке. Описи не имелось.

Уже первоначальный обзор дел показал, что они представляют собою исторический источник, ценный во многих отношениях. Между прочим, сразу стало ясно, что в них заключается материал, важный для изучения истории народного хозяйства. Пишущий эти строки давно уже занимается специально экономической историей. Вот почему он и поставил себе задачей изучение этого последнего вопроса.

Для того чтобы сделать материал удобным для научного пользования, пришлось выполнить значительную черную, под-

* Публикуется по: Рожков Н.А. К истории народного хозяйства в Сибири. Экономический быт Макаровской волости Киренского уезда в конце XVIII и первой половине XIX века // Известия ВСОИРГО. Т. 44. Иркутск, 1915. С. 39–89. При публикации сохранены лишь содержательные примечания автора и опущены ссылки на номера дел и листы ныне не существующего в прежнем виде комплекса документальных источников. Облегчая задачу републикации статьи, это в известной мере делает менее зримой ту «предварительную работу над источниками», что проделал автор, сформировав и описав, по всей видимости, около 265 дел.

готовительную работу, без которой невозможны были бы точные ссылки на источники, а, следовательно, и проверки — при желании — выводов автора по материалу. Надо было расположить дела в шкафах в хронологическом порядке, перенумеровать сами дела, отметить число листов в каждом из них и составить краткую опись дел, с обозначением основного содержания каждого из них. Все сделано, и, таким образом, научное пользование данным источником является теперь возможным.

Такой черной, предварительной работы над источниками однако еще недостаточно для того, чтобы прямо обратиться к самому научному исследованию. Историческое знание в наше время требует еще хотя и краткого, сжатого критического анализа источников, определения степени их достоверности.

Здесь не место решать этот вопрос по отношению к данному источнику во всем его объеме: это дело будущих исследователей, каждый из которых, выбрав себе определенную тему для исследования, и займется в пределах этой специальной темы критическим анализом волостных дел. Мы в своих историко-критических замечаниях должны, очевидно, также остаться в пределах специально избранной в данном случае темы: предстоит ответить на вопрос: какова степень достоверности волостных дел как источника *хозяйственной* истории Сибири.

Так как основой для изображения экономического быта являются обыкновенно статистические цифры, а цифры эти в данном случае принадлежат волостной статистике, то сформулированный сейчас вопрос можно — без опасения впасть в ошибку — заменить другим: насколько достоверны данные волостной статистики?

Для многих, даже очень многих задать этот вопрос значит уже сейчас же на него ответить: волостная статистика пользуется достаточно дурной репутацией, данные ее в подавляющем большинстве случаев представляются недостоверными по трем главным причинам: во-первых, волостные должностные лица — и в частности волостные писаря — признаются некомпетентными в области научной статистики, неподготовленными к серьезной статистической работе; во-вторых, они завалены текущей работой, срочной перепиской и т.п. и потому не имеют времени для надлежащего статистического исследования; в-третьих, волостная

администрация слишком привыкла приспособляться к вкусам и потребностям начальства, в особенности ближайшего, слишком заинтересована в том, чтобы угождать этому начальству, и это сказывается на самом подборе статистических данных.

В этой убийственной характеристике волостной статистики много правды. Она даже вполне справедлива по отношению к таким эпохам, когда волостная статистика является уже безнадежным архаизмом, устарелым обломком прошлого. В самом деле: задачи хозяйственно-статистического исследования в наше время весьма сильно расширились и усложнились соответственно усложнению самой экономической жизни; поэтому и приемы и методы исследования усложнились и усовершенствовались. От исследователя требуется широкий кругозор, разносторонность и беспристрастие, обширная образованность, проницательность, критический дар, ряд технических навыков. Ничего этого обычно нет и быть не может у рядового волостного писаря. Очевидно, жизнь переросла волостную статистику, и последняя должна смениться статистикой научной — общегосударственной, поскольку дело идет об общих исследованиях, и местной, находящейся в ведении местных органов самоуправления, поскольку статистическая работа необходима для удовлетворения местных интересов.

Таким образом ясно, что недостатки волостной статистики в значительной своей мере теснейшим образом связаны с непригодностью ее к новым условиям общественной жизни: только с усложнением жизни усложнились и требования, предъявляемые статистикам, увеличилось и обременение волостной администрации делами, особенно перепиской, лишаящее должностных лиц возможности удалять сколько-нибудь значительное время на статистическую работу. В каком непримиримом конфликте с условиями работы волостной администрации находятся новые, повышенные потребности, — видно из того, что один и тот же материал требуется иногда несколькими разными присутственными местами и в разное время, иногда — и весьма нередко — даже в такое, когда добыть его нет никакой физической возможности. Отсюда вынужденная фантастичность многих цифр.

Следовательно, по мере удаления вглубь прошлого мы все более приближаемся к условиям, способствовавшим большей достоверности волостной статистики; тогда и задачи исследова-

ния были проще, соответственно упрощались и приемы статистической работы, наконец, не было чрезмерной обремененности волостной администрации перепиской, бумажной отчетностью и сложным делопроизводством.

В этом легко убедиться, сравнив в изученных нами документах данные, относящиеся к XVIII и началу XIX века, с материалом сороковых и пятидесятих годов.

Работа волостных статистиков XVIII и начала XIX века была несложна, даже, можно сказать, чрезвычайно проста. Источники наши показывают, что тогда достаточно было собрать и зарегистрировать сведения о размерах посева и урожая хлебов и трав, о размерах вновь распаханной площади, о количестве скота, о числе и стоимости убитых зверей, о ценах на важнейшее товары. Это немного, но зато не трудно здесь достигнуть точности, и в то же время этого достаточно, чтобы осветить для нас общую картину несложного хозяйственного быта того времени. Как мало было тогда письменного делопроизводства, видно из небольшого количества дел, относящихся к тем годам¹.

Совершенно другая картина получается, если взять дела, начиная с сороковых годов XIX века. В это время составляется чрезвычайно подробный отчет о состоянии волости, куда вносятся малейшие изменения в составе населения, в хозяйственном его положении, в делении его на сословия и классы, данные о торговле, обложении налогами и повинностями, о количестве мостов, перевозов и гатей, о числе мельниц и проч. и проч. Составление такого отчета само по себе представляет огромный и серьезный труд, который мог иногда быть и непосильным для волостной администрации. Но этого мало: требовалось еще ведение целой массы книг, касающихся разных сторон местной жизни и разных групп населения². Наконец, чрезвычайно увеличилось и усложнилось переписки и вообще бумажное, письменное делопроизводство. Это видно и по большому числу дел, относящихся к 40-м и 50-м годам XIX века³, и по тому, что в 1844 году возник даже вопрос об увеличении числа помощников писаря и прибавке жалованья волостной администрации, именно вследствие увеличения делопроизводства.

Итак почти за все изучаемое нами время источники наши дают нам материал, в общем и целом довольно достоверный.

Серьезные сомнения в достоверности возникают только по отношению к материалу, относящемуся к последним двум десятилетиям. Но и здесь сомнения далеки от того обязательного, прочно обоснованного скептицизма, с коим относятся теперь к данным современной нам волостной статистики.

Необходимо однако сделать еще одну важную в критическом смысле оговорку: если ошибки в общем и не могут быть велики, то, может быть, сказывалось другое отмеченное нами выше важное обстоятельство — официальный оптимизм, вызванный естественным желанием угодить начальству. Мы не в праве игнорировать эту в высокой степени вероятную возможность и потому всякий раз, как картина будет нам казаться чересчур розовой, мы должны внести соответствующие поправки.

II

Территория и население Макаровской волости

Территория, изучением хозяйственной истории которой за несколько десятилетий XVIII и XIX вв. мы намерены заняться, значительна по своим размерам. Она охватывает части течения рек Лены и Киренги и почти все течение Куты. Когда территория Макаровской волости сложилась окончательно (в пределах изучаемого периода), крайним северным поселением, входившим в состав волости, была деревня Верхне-Карелинская (в верховьях Нижней Тунгуски), а самым южным — дер. Верхне-Улканская (на р. Киренге). Это составляет по прямой линии с севера на юг приблизительно 250 верст. Но прежде всего надо заметить, что ширина этой территории неодинакова на всем протяжении: на пространстве первых 25-ти верст с севера ширина не превышает 10-ти верст, потом на протяжении 60-ти верст с севера на юг ширина территории волости доходит до 20 верст, далее на пространстве 25 верст — до 50-ти, на протяжении 10-ти верст до 80-ти и, наконец, на протяжении 130 верст ширина волостной территории опять уменьшается до 10 верст. В общей сложности это составляет площадь в 4800 квадратных верст.

Но это еще не вся территория Макаровской волости. Сюда относятся еще не вошедшие в произведенный сейчас счет поселения по Лене от дер. Кокуйской до Усть-Кута и по Куте с ее при-

током Мукой от Култука до Каймонова. Ширина в первом случае 25 верст, во втором не более 10-ти верст, длина же (с севера на юг) соответственно 20 и 170 верст. Таким образом к 4800 кв. в. надо прибавить еще 500 и 1700 кв. верст. Вся территория Макаровской волости в том виде, как она сложилась для изучаемого периода окончательно, составляет, следовательно, 7000 кв. верст.

Эта территория сложилась в одно административное и хозяйственное целое лишь перед 1812 годом. Раньше мы можем проследить некоторые — последние по времени — моменты образования этого целого.

На пространстве позднейшей обширной Макаровской волости в XVIII веке существовало несколько — относительно — мелких волостей. Таковы были, по-видимому, еще в 60-х годах XVIII века и уже несомненно позднее волости Усть-Кутская и Криволуцкая, затем в 70-х, 80-х и 90-х годах небольшая Макаровская волость, в состав которой входили тогда, кроме Макаровской, еще деревни Хабаровская, Скобельская, Бочкаревская и деревня Верхнего Лугу, наконец, в 80-х и 90-х годах упоминаются еще волости Марковская и Подымахинская. Всего, таким образом, в XVIII век можно насчитать *пять* небольших волостей на территории будущей обширной Макаровской волости, причем надо заметить, что и эти пять волостей не охватывали *всей* позднейшей Макаровской волости.

В 1798 г. Криволуцкая и Макаровская волости были соединены в одну: так начался процесс объединения мелких волостей.

Несколько лет спустя — в 1801 г. — этот процесс объединения сделал уже большие успехи: в новой объединенной Макаровской волости числилось тогда 63 деревни, — те самые, которые раньше входили в состав малых волостей — Криволуцкой, Макаровской, Марковской, Подымахинской и Усть-Кутской⁴. Из этих 63-х деревень в самом начале XIX века исчезла деревня Криворотовская, а несколько позднее — деревня Сабашная. Но зато к началу второго десятилетия XIX века прибавилось 11 новых деревень⁵ из которых некоторые показывают, что территория волости в это время сильно увеличилась, расширившись на севере на верховья Нижней Тунгуски (деревни Верхнекарелинская и Нижнекарелинская), а на юге далеко по Киренге (деревни Ключевская и Верхнеулканская). Получилось, таким образом,

если считать Усть-Кут и Устькутский соляной завод за одно поселение и исключая из счета город Киренск 72 поселения в очерченных выше границах и на исчисленной нами выше площади в 7000 кв. верст. В таком виде оставалась Макаровская волость до конца изучаемого нами периода. Количество населенных мест в ней, правда, около 1835 г. изменилось: прибавились три новых поселения — Коротковское, Анучинское и Бурское, но, по-видимому, они образовались на той же территории.

Таким образом, уже наблюдения над территорией Макаровской волости вскрывают перед нами важный, любопытный и требующий причинного объяснения факт: на рубеже первого и второго десятилетий прошлого века образовалась крупная административная единица — Макаровская волость, сложившаяся из пяти небольших волостей, ранее здесь существовавших, с прибавлением полос земли по верхнему течению нижней Тунгуски и среднему течению Киренги. Отметим пока этот факт, чтобы впоследствии объяснить причины, его вызвавшие.

Переходя к вопросу о населении изучаемой нами территории, необходимо прежде всего иметь в виду то, что наши источники дают два ряда цифр — один ряд показывает число ревизских душ, т.е. душ мужского пола от ревизии до ревизии, другой ряд цифр означает число наличных душ мужского и женского пола; в отчетах о состоянии волости встречаются, сверх того, данные о рождаемости и смертности, а также отчасти — в довольно общей, суммарной форме — данные о возрастном составе населения.

Наименее достоверными надо признать цифры официальных ревизий. Главная причина их недостоверности — фискальный характер ревизий: так как последние преследовали цели регистрации подлежащих обложению подушной податью окладных единиц, то население, естественно, стремилось по возможности уменьшить количество этих окладных единиц, чтобы тем облегчить податное бремя. Второй причиной недостоверности ревизских цифр, несоответствия их действительной численности даже одного только мужского населения является сравнительно редкая повторяемость ревизий: за полтора или два слишком десятилетия количественный состав населения мужского пола сильно менялся, а между тем перемены эти не регистрировались в проме-

жутках между ревизиями. Все это иллюстрируется следующими данными, взятыми из ряда других, им подобных: по 3-й ревизии, результаты которой тогда только что определились, в Устькутской волости числилось 557 ревизских душ, но к ним приходилось уже присоединять 21 душу прибылую, чтобы получить действительное число населения мужского пола; в 1823 году во всей Макаровской волости ревизских душ числилось 2170, а наличных было 2526 мужчин и 2585 женщин; в 30-х и 40-х годах XIX в. ревизских душ считалось 2752, а в действительности уже в 1835 г. было 3189 мужчин и 3084 женщины, а в 1843 г. число первых дошло до 3343, а вторых до 3339. Цифра действительного мужского населения в 1835 году, почти тотчас после окончания ревизии, на 15,8% превышала цифру ревизии; в 1843 г. превышение достигло уже 21,4%.

Таким образом, данными ревизий приходится пользоваться с большою осторожностью, с поправками, и то лишь в случае крайней нужды, — за недостатком других, более достоверных цифр.

Из истории образования территории Макаровской волости нам уже известно, что необходимо выделить первый период — с 1768 г. по 1812 год, когда изучаемая территория была уже, чем в позднейшее время. Попытаемся определить населенность этой более узкой территории.

Из всех цифр, относящихся к 60-м и 70-м годам, только одна цифра 1768 года заслуживает некоторого — и то довольно неполного — доверия: она всего ближе к 3-й ревизии и снабжена поправкой. Правда, такие поправки имеются и для 1771, 1776, 1777 и 1782 годов, но все они стереотипно повторяют поправки 1768 года и потому не внушают доверия.

Следует отметить еще одно важное обстоятельство: Марковская и Подымахинская волости, существовавшие во второй половине 80-х и в 90-х годах XVIII века особо, в 60-х, 70-х и первой половине 80-х годов того же века соединились — если не административно, то, по крайней мере, статистически — с Устькутской волостью; это видно из того, что, по 4-й ревизии, в Устькутской волости числилось в 1784 г. 692 души, а в 1787 г. только 215; такая убыль невероятна и объясняется тем, что приблизительно соответствующее число душ значится в отдельно

исчисленных в это время волостях Марковской и Подымахинской. Таким образом на территории, подлежащей в первый период нашему изучению, существовали тогда только две волости — Устькутская и Криволуцкая.

В 1768 г. в Устькутской волости числилось душ мужского пола по 3-й ревизии 557, прибылых 21, в Криволуцкой волости по 3-й ревизии 630, прибылых 12; значит, в первой волости было 578 душ, во второй 642 души мужского пола. Всего в обеих волостях 1220 душ м. п. или около 2400 чел. обоего пола.

Следующие затем более или менее достоверные цифры относятся к 1784 г. — времени, когда только что были приведены в известность результаты четвертой ревизии. В это время было в Устькутской волости 692 души мужского пола, в Криволуцкой — 729 и сверх того в Макаровской 284. Таким образом в первых двух волостях вместе в 1784 г. было 1421 душа м.п. или около 2800 чел. обоего пола. Прирост населения за 16 лет 400 человек или 16,6%, т.е. немногим более 1% в год. Это — прирост не быстрый, гораздо менее быстрый, чем в современной России, причем остается открытым вопрос о том, сколько приходится на долю ссылки и переселения и сколько на естественный прирост. Можно, впрочем, с некоторою уверенностью предположить, что большая часть прироста приходится на долю естественного рождения, так как ссылка в эту местность была невелика и в начале XIX века, а переселения совсем не было. Если присоединить 284 д. м.п., числившихся в Макаровской волости, то окажется, что в 1784 г. во всех трех волостях было 1705 д. м.п. или 3400 чел. обоего пола.

Общая цифра мужского населения всех пяти волостей — Устькутской, Криволуцкой, Макаровской, Марковской и Подымахинской — по пятой ревизии, т.е. в 1796 году, была 1807; из них в Криволуцкой и Макаровской волости вместе было 1105 душ м. пола, в Марковской 294, в Подымахинской 269; значит на долю Устькутской оставалось 139 душ м.п. (по четвертой ревизии вместе с Устькутской волостью исчислялись и Марковская, и Подымахинская). Следовательно, всего на изучаемой территории жило в 1796 г. около 3600 человек обоего пола. Прирост сравнительно с 1784 годом, т.е. за 12 лет — 200 человек или 5,8% — менее 0,5% в год. Прирост еще более слабый, чем

прежде: очевидно, изучаемая территория переживала какие-то условия, удерживавшие рост населения.

Мы исчерпали все сколько-нибудь достоверные данные о населении, относящиеся к XVIII веку.

Переходя к XIX столетию, мы возьмем для сравнения с XVIII данные ревизии 1811 года. По ним во всей волости было 2134 души м.п. Но так как в это время в обширной Макаровской волости было на 9 селений больше, чем в пяти малых волостях, ее составивших, то надо уменьшить примерно на 10% число ревизских душ. Тогда выйдет 2021 душа м.п. или 4040 чел. обоого пола. Прирост за 15 лет 440 чел, т.е. 12,2%.

Так как для последующего времени мы будем брать цифры не ревизий, а действительной численности населения, то для сравнения с ними необходимо сделать поправку к цифре ревизских душ 1811 года. Поправка должна заключаться в добавлении по меньшей мере 10% к ревизской цифре. Следовательно, мы предполагаем что в 1811 г. мужского населения в обширной, окончательно сложившейся тогда Макаровской волости было не 2134 души, а на 10% или на 213 душ более, т.е. 2347 душ м.п. или 4700 чел. обоого пола.

Вот цифры действительного населения волости за последующее годы, насколько позволяют нам судить об этом наши источники:

В 1820 г.	было	2409 ч. м.п.,	2516 ч. ж.п.,	а всего	4925 ч.
-"- 1823	-"-	-"-	2526	-"-	-"-
-"- 1826	-"-	-"-	2619	-"-	-"-
-"- 1835	-"-	-"-	3189	-"-	-"-
-"- 1839	-"-	-"-	3364	-"-	-"-
-"- 1845	-"-	-"-	3568	-"-	-"-
-"- 1849	-"-	-"-	3713	-"-	-"-
					5111
					5249
					6273
					6628
					7048
					7331

Таким образом, определяя процентное соотношение этих цифр, получаем следующее:

в 8 л. (1812–20 г.) насел. выросло на 225 ч. или на 4,8%, т.е. в год на 0,6%

3 г. (1820–23 г.)	-"-	196	-"-	3,7%	-"-	1,2%
3 г. (1823–26 г.)	-"-	138	-"-	2,7%	-"-	0,9%
9 л. (1826–35 г.)	-"-	1024	-"-	19,5%	-"-	2,1%

4 г. (1835–39 г.)	-"-	355	-"-	5,6%	-"-	1,4%
6 л. (1839–45 г.)	-"-	420	-"-	6,3%	-"-	1,05%
4 г. (1845–49 г.)	-"-	283	-"-	4,9%	-"-	1,0%

Очевидно, до 1820 года продолжали действовать условия, задерживавшие рост населения. Но в период с 1820 по 1850 год эти условия были преодолены: это видно и из только что приведенных данных, и из того, что если взять все последнее тридцатилетие, то окажется, что население за это время выросло с 4925 человек до 7331 или на 2406 чел. обоего пола, т.е. на 48,8%, в среднем на 1,6% в год. При этом характерно, что в сороковых годах XIX века наблюдается опять значительное уменьшение прироста населения. Известно, что в современной России годовой прирост населения составляет 1,7%.

Проистекал ли прирост населения изучаемой территории от притока населения со стороны посредством колонизации свободной и принудительной (каторги и ссылки) или от перевеса рождаемости над смертностью?

Все имеющиеся в нашем распоряжении данные показывают, что свободной колонизации за все время не было или почти не было, количество же каторжан и ссыльнопоселенцев было незначительно абсолютно, и относительно — в сравнении со всем населением. Так в 1835 году каторжан и поселенцев было всего 182 человека (138 мужчин и 44 женщины) т.е. 2,9% всего населения, которое простиралось тогда до 6248 чел. В 1839 г. всего населения было 6628 чел., а каторжан и поселенцев 266 чел. (194 мужчины и 72 женщины) или 4%. В 1843 г. процент последних понизился до 3,3%; их было 224 (145 муж. и 79 жен.) при 6682 чел. всего населения. Дальнейшее и очень сильное понижение наблюдается в 1845 и 1849 гг.: тогда ссыльных было 62 и 46 чел., а всего населения 7048 и 7331 чел.; соответствующий процент ссыльных в первом случае 0,8, а во втором даже только 0,6.

Уже из этого видно, что перемены в приросте населения зависели не от прилива со стороны, а от внутренних условий, определявших рождаемость и смертность. Это подтверждается и анализом данных о рождаемости и смертности. Вот относящиеся сюда данные:

В 1823 году родилось 186 чел. (102 муж. п. и 82 ж.п.), умерло 97 чел. (51 м.п. и 46 ж.п.); прирост 89 чел. или 1,7%. В 1835 году родилось 208 чел. (110 м.п. 98 ж.п.), умерло 120 чел. (62 м.п. и 58 ж.п.); прирост 88 чел., 1,4%. В 1843 г. родилось 250 чел., умерло 175, прирост 75 чел. или 1,1%. Наконец, в 1849 году родилось 362 чел., а умерло 454, так что наблюдалась убыль населения на 92 ч. Сравнивая эти цифры рождаемости, смертности и перевеса первой над последней за отдельные годы с приведенной выше таблицей роста населения за периоды в несколько лет каждый, мы видим в обоих случаях приблизительное соответствие. Очевидно, прирост населения и изменения в нем действительно определялись какими-то внутренними, по всей вероятности, хозяйственными условиями, которые мы и должны попытаться определить в дальнейшем. Надо прибавить, что в 20-х и 30-х годах смертность была невелика, не превышала 19,4 чел. на 1000, в 1843 г. она повысилась до 24,6 чел. на 1000, а в 1849 г. дошла до 61,6 на 1000. Теперь в России она равна 35,5 на 1000.

Для истории народного хозяйства большую важность имеет вопрос о количестве производительного населения, т.е. о сословном, возрастном и половом составе его. Данные о половом составе были уже приведены. Приведем теперь данные о составе возрастном и сословном и сделаем из всего материала надлежащие выводы.

Для XVIII века мы имеем о возрастном составе только один документ, относящийся к 1778 году. По этому документу число мужчин, способных к работе, в деревнях Хабаровской, Макаровской, Верхолужской, Скобельской и Бочкаревой было 45 чел., число способных к работе женщин 70, престарелых и неспособных к работе было 154 чел. обоего пола и малолетних — до 15 лет — 161 чел. обоего пола. Таким образом количество производительного населения не превышало 115 чел. из общего числа 430 жителей, т.е. производительное население составляло всего 26,7% — процент очень низкий, так как в современных культурных странах — и в том числе в России — процент производительного по возрасту населения выше 45-ти.

В высшей степени неудовлетворительны данные о возрастном составе населения в XIX веке: дело в том, что за это время главная составная часть населения — крестьяне — обозначают-

ся общей суммой, из которой не выделяются особо дети и престарелые. Таким образом приходится ограничиться данными, относящимися к некрестьянскому населению. Так в 1839 г. из общего числа 400 чел. некрестьянского населения было 112 детей; считая столько же престарелых, получаем 176 чел. или 44% населения. В 1849 г. из 114 некрестьян в возрасте, дающем возможность работать, было 42 чел. или 36,8%. Значит, относительное количество производительного населения в XIX веке было ближе к современному, чем в XVIII веке. Особенно это надо сказать о тридцатых годах, когда, как мы видели, и прирост населения был значительнее.

Распределение населения по сословным группам представляется в следующем виде:

в 1771 г. было духов., разноч. и двор. 245 ч., крест., казак., и ссыльн. 996 ч.

в 1839 г.	-"-	-"-	-"-	128 ч.	-"-	-"-	-"-	6500 ч.
в 1843 г.	-"-	-"-	-"-	119 ч.	-"-	-"-	-"-	6563 ч.
в 1845 г.	-"-	-"-	-"-	104 ч.	-"-	-"-	-"-	6944 ч.
в 1849 г.	-"-	-"-	-"-	63 ч.	-"-	-"-	-"-	7268 ч.

Соответствующие процентные отношения будут таковы: для 1771 г. 19,8% и 80,2%, для 1839 г. 2% и 98%, для 1843 г. 1,7% и 98,3%, для 1845 г. 1,4% и 98,6%, наконец для 1849 г. 0,8% и 99,2%. Таким образом и здесь наблюдается в XIX веке, сравнительно с XVIII, относительный рост производительного населения на счет непроизводительного. Этим вносится еще один дополнительный штрих в набросанную нами картину перемен в населении Макаровской волости в конце XVIII и первой половине XIX века.

III

Цены на деньги, землю и разные товары в Макаровской волости конца XVIII и первой половины XIX века

Прежде чем приступить к характеристике отдельных отраслей хозяйства в Макаровской волости конца XVIII и первой половины XIX века, необходимо собрать имеющиеся данные о ценах на деньги, землю и другие товары в это время в данной

местности. Это подготовит лучше всего к пониманию хозяйственного быта, а изучение цен на деньги даст прямо ключ к этому пониманию: определив покупательное значение денег того времени в их отношении к современному нам рублю, мы тем самым получим возможность определить цены земли и всех товаров на деньги нашего времени.

Цены денег определяются обыкновенно по хлебным ценам. В нашем распоряжении есть данные о ценах на ржаную муку и овес, которые можно свести в следующую таблицу:

В 1787 г.	пуд ржан. муки	стоил	55 к.,	а пуд овса	35 к.			
"- 1789 г.	"- "	"- "	"- "	55 к.	"- "	"- "	"- "	35 к.
"- 1820 г.	"- "	"- "	"- "	2 р. 40 к.	"- "	"- "	"- "	—
"- 1823 г.	"- "	"- "	"- "	1 р. 55 к.	"- "	"- "	"- "	—
"- 1827 г.	"- "	"- "	"- "	1 р. 15 к.	"- "	"- "	"- "	—
"- 1835 г.	"- "	"- "	"- "	1 р. 75 к.	"- "	"- "	"- "	—
"- 1841 г.	"- "	"- "	"- "	2 р. 25 к.	"- "	"- "	"- "	90 к.
"- 1842 г.	"- "	"- "	"- "	2 р. 50 к.	"- "	"- "	"- "	1 р. 40 к.
"- 1843 г.	"- "	"- "	"- "	1 р. 55 к.	"- "	"- "	"- "	—
1910–1911 гг.	"- "	"- "	"- "	2 р.	"- "	"- "	"- "	2р. 20 к. ⁶

Для того чтобы определить правильное соотношение между цифрами первых девяти строк этой таблицы и цифрами последней, десятой ее строки, надо принять во внимание следующие обстоятельства: 1) цены XVIII в, исчислялись на серебро, но так как серебряный и золотой рубли того времени были равноценны, а нынешний золотой рубль по весу на целую треть меньше прежнего, то для сравнения цен XVIII века с современными надо увеличить первый на $1/3$; 2) цены 20-х, 30-х и 40-х годов XIX века исчислялись на ассигнации; переведем их на серебро, т.е. разделим на $4\frac{1}{2}$; полученное частное надо опять таки увеличить на $1/3$ вследствие указанного сейчас изменения веса современного рубля; 3) цена пуда овса в 55 коп. в 1824 году была непомерно низкой, как низкой была в тот год и цена ржаной муки; поэтому надо в параллель с низкой ценой овса поставить высшую его цену, исчислив ее по норме 1820 года, когда и ржаная мука была всего дороже: в два с половиной раза выше, чем в 1824 г.; мы предполагаем, следовательно, для 1820 г. цену овса в 1 р. 38 к. ассигнациями за пуд.

С этими поправками получаем следующие соотношения цен тех годов с современными ценами:

1787 г.	ржаная мука	200/73	или	2,7;	овес	220/47	или	4,6;
	в среднем	3,6;						
1789 г.	"-"	"-"	200/73	"-"	2,7;	"-"	220/47	"-"
"-"		3,6;						
1820 г.	"-"	"-"	200/71	"-"	2,8;	"-"	220/40,8	"-"
"-"		4,1;						
1823 г.	"-"	"-"	200/45,7	"-"	4,3;	"-"	—	"-"
"-"		4,3;						
1827 г.	"-"	"-"	200/34	"-"	5,9;	"-"	—	"-"
"-"		5,9;						
1835 г.	"-"	"-"	200/51	"-"	3,9;	"-"	—	"-"
"-"		3,0;						
1841 г.	"-"	"-"	200/66,6	"-"	3,0;	"-"	220/26,6	"-"
"-"		5,6;						
1842 г.	"-"	"-"	200/74,3	"-"	2,7;	"-"	220/42,9	"-"
"-"		3,9;						
1843 г.	"-"	"-"	200/45,9	"-"	4,3;	"-"	—	"-"
"-"		4,3.						

Обобщая эти вычисления, мы можем сделать следующий окончательный вывод о ценах на звонкую монету (металлические деньги) в Макаровской волости в их отношении к современному рублю: серебряный рубль конца XVIII века был в 3,6 раза дороже современного; серебряный рубль 20-х годов XIX века в 4,8 раза дороже нашего золотого; серебряный рубль 30-х годов был дороже современного только в 3,9 раза, а серебряный рубль 40-х годов — в 4,6 раза. Иными словами, в конце XVIII века в Макаровской волости можно было купить на серебряный рубль столько же товаров, сколько теперь покупается на 3 рубля 60 к., в 20-х годах XIX века столько, сколько теперь покупают на 4 р. 80 к., в 30-х на 3 р. 90 к., в 40-х на 4 р. 60 к. В общем перемены в ценах на звонкую монету указывают на значительное удешевление последней в 30-х годах сравнительно с 20-ми и 40-ми.

Но цены на разные товары в 20-х–40-х годах выражались обыкновенно в ассигнациях. Поэтому надо установить отношение ассигнационного рубля того времени к нынешнему зо-

лотому. Только тогда, не опасаясь впасть в ошибку, мы сможем перевести цены того времени на современные нам деньги. Для этого надо выведенные нами средние отношения серебряного рубля 20-х, 30-х и 40-х годов разделить на $4\frac{1}{2}$. Тогда получится следующее:

Ассигнационный рубль 20-х годов стоил 1 р. 7 к. на наши деньги; ассигнационный рубль 30-х годов был дешевле нашего современного золотого рубля, равнялся лишь 87 копейкам на наши деньги; наконец, рубль ассигнациями 40-х годов стоил 1 р. 2 к. на наши деньги. В общем, следовательно, вследствие наблюдавшегося тогда огромного падения цен на ассигнации, вызванного наполеоновскими войнами и континентальной системой, а затем турецкой и польской войнами при Николае I, ассигнационный рубль имел приблизительно ту же покупательную силу, как современный нам золотой рубль.

У нас нет никаких данных о ценах на землю. Необработанная земля, по-видимому, не ценилась ни во что, но обработанная имела известную ценность. Это видно из того, во-первых, что часть крестьян — в 1823 году 64 чел. — сдавали в аренду всю свою землю или часть ее своим односельчанам; во-вторых, это видно и из того, что в окрестностях Иркутска еще в 1791 г. сдавались на оброк пашни и сонные покосы, причем за десятину пашни платился оброк в 2 р. 35 к. (т.е. на наши деньги 8 р. 46 к.) в год, а десятина покоса оплачивалась оброком от $17\frac{1}{2}$ к. до 2 р. 55 к. (такая высокая цена встречается только в исключительном, единичном случае), обычно же в 34 и 50 к. (на наши деньги это выходит 63 к. — 9 р. 18 к., 1 р. 22 к. — 1 р. 80 к. По тому времени это цены немалые. По-видимому, бывали и случаи продажи земли: по крайней мере, в 1851 г. было издано специальное запрещение крестьянам продавать землю, но, конечно, случаи продажи земли были очень редки, почему и продажных цен на землю нет в наших документах.

Вот таблица, показывающая цены на продукты сельского хозяйства: (см. табл. на с. 179).

Переводя средние из этих цен на современные нам деньги, получаем следующее: копна сена стоила в 20-х гг. XIX в. на наши деньги 19–76 к., в 40-х 51 к.; кубическая сажень дров в 20-х гг. 93–1 р. 85 к., в 30-х гг. 1 р. 75 к.–2 р. 18 к.; пуд говядины в конце

XVIII в. 3 р. 14 к.—3 руб. 24 к.; в 20-х гг. XIX в. 3 р. 21 к.—6 р. 42 к.; в 30-х 1р. 74 к.—3 р. 92 к.; в 40-х 4 р. 8 к.—5 р. 10 к.; пуд свинины в 20-х гг. 4 р. 28 к.—12 р. 84 к., в 30-х 3 р. 48 к.—3 р. 55 к., в 40-х гг. 5 р. 61 к.—9 р.; пуд баранины в 20-х гг. 4 р. 28 к.—9 р. 63 к., в 30-х 3 р. 48 к.—4 р. 35 к., в 40-х 3 р. 57 к.—5 р. 28 к.; пуд масла в 20-х годах 17 р. 12 к.—20 р. 96 к., в 30-х 13 р. 92 к.—21 р. 75 к., в 40-х 20 р. 40 к.—32 р. 80 к.; пуд сала топленого в 20-х гг. 13 р. 14 к.—27 р. 82 к., в 30-х 10 р. 44 к.—13 р. 5 к.; пуд сала нетопленого в 20-х годах 6 р. 42 к.—19 р. 23 к.; сотня яиц в 20-х гг. 1 р. 7 к.—2 р. 67 к., в 30-х 1 р. 30 к.—2 р. 60 к.

Следующие две таблицы (см. табл. на с. 181) показывают цены на продукты рыболовства и охоты, причем первая содержит в себе цены в деньгах того времени, а вторая — в переводе на наши деньги.

Взяв средние за каждое десятилетие цены и переведя их на деньги нашего времени, получаем: в 20-х годах пуд железа стоил 32 рубля на наши деньги, пуд сальных свечей в 20-х годах стоил 24 рубля, а в 30-х 17 р.; цена пуда мыла доходила до 22 р., пуда кож до 22 р.; сотня перьев в 20-х годах стоила больше рубля и доходила до 2 р. 14 к., топор 1 р.—2 р. 14 к.; сапоги, стоившие в 20-х годах 6 р. 50 к.—8 р. 50 к., в 30-х ценились в 4 р. 35 к.—4 р. 80 к., башмаки и чирки стоили не больше 3 р.; тысяча кирпича 22 р.—27 р., стекло 1 р. 7 к.—1 р. 30 к.; цена аршина армячного сукна в 20-х гг. доходила до 1 р. 60 к., а в 30-х понизилась до 1 р. 10 к.; аршин холста стоил 43 к.; пуд сахару продавали в 30-х годах за 60-70 р. на наши деньги, т.е. фунт обходился не дешевле 1½ рубля; цена фунта чаю поднималась даже в 30-х годах до 6 рублей, а фунта табаку (махорки) до 2 рублей.

Отметим, наконец, имеющиеся в наших источниках указания на заработную плату:

Год	Мес. плата слуге	Месячная плата землед. раб.	Поденная плата плотнику	Поденная плата кузнецу	Поденная плата каменщику
1824	5–7 р.	4–7 р.	90 к.—1 р. 10 к.	90 к.—1 р.	1 р. 10 к.—1 р. 20 к.
1830	—	6–8 р.	80 к.—1 р.	1 р.—1 р. 50 к.	1 р.—1 р. 50 к.

Годы	Пуд свеж. рыбы (хайр.)	Десят. сол. омулей	Соболь	Лисица	Белка	Выдра	Хорек	Горност.	Медведь	Волк	Росомаха
1790	—	—	—	2 р. 10 к.	5–7 к.	—	—	—	—	—	—
1820	3–7 р.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1821	—	—	18 р.	—	3 к.	30 р.	—	—	—	—	—
1822	6 р.	—	20 р.	10 р.	35 к.	25 р.	1 р. 25 к.	15 к.	15 р.	—	—
1823	3–5 р.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1824	3— 3р. 50 к.	—	12 р.	11 р. 50 к.	31 к.	26р. 40 к.	75 к.	15 к.	9 р.	—	—
1827	—	1–2 р.	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1835	—	1–1 р. 50 к.	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1839	—	1–1 р. 50 к.	10–25 р.	5–20 р.	25–35 к.	5–20 р.	60 к.–1 р.	5–15 к.	10–25 р.	5–10 р.	5–7 р.
1849*	—	—	5–7 р.	—	8–10 к.	—	27 к.	7–8 к.	6 р.	—	—
Время	Пуд свеж. рыбы (хайр.)	Десят. сол. омулей	Соболь	Лисица	Белка	Выдра	Хорек	Горност.	Медведь	Волк	Росомаха
Конец XVIII в.	—	—	—	7 р. 56 к.	20 к.	—	—	—	—	—	—
20-е гг. XIX в.	3 р. 21 к. 7 р. 49 к.	1 р. 7 к. 2 р. 14 к.	12 р. 84 к. 21 р. 40 к.	10 р. 70 к.	32 к.	26 р. 75 к. 32 р. 10 к.	80 к. 1 р. 34 к.	16 к.	10 р. 7 к. 16 р. 5 к.	—	—
30-е гг. XIX в.	—	87 к. 1 р. 30 к.	8 р. 70 к. 21 р. 75 к.	4 р. 35 к. 17 р. 40 к.	22 к. 30 к.	4 р. 35 к. 17 р. 40 к.	54 к. 87 к.	4 к. 12 к.	3 р. 70 к. 21 р. 75 к.	4 р. 35 к. 8 р. 70 к.	4 р. 35 к. 6 р. 9 к.
40-е гг. XIX в.	—	—	15 р. 32 р. 20 к.	42 к. 46 к.	—	—	1 р. 24 к.	32 к. 37 к.	27 р. 60 к.	—	—

Таблица цен на продукты обрабатывающей промышленности.

Год	Пуд же- леза	Пуд саль- ных све- чей	Пуд мы- ла	Пуд кож	Сто- па бу- ма- ги	Сто- па пе- рье- в	То- пор	То- Сапоги	Баш- маки	Чирки	Ты- сяча кир- пи- ча	Стекло	Аршин сер- мяж. сузна	Ар- шин хол- ста	Пуд са- ха- ра	Фунт чая	Фунт табака
1823	20 р. 40 р.	18 р. 28 р.	16 р. 26 р.	10 р. 20 р.	12 р. 18 р.	1 р. 2 р.	80 к. 2 р.	1 р. 2 р.	2 р. 3 р.	-	20 р. 30 р.	1 р. 1 р. 20 к.	-	-	-	-	-
1824	24 р. 25 р.	-	-	-	-	-	7 р. 8 р.	-	-	2 р. 2 р. 50 к.	-	-	1 р. 25 к. 1 р. 50 к.	40 к. 45 к.	-	-	-
1827	-	16 р. 22 р.	16 р. 22 р.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1839	-	18 р. 20 р.	-	-	-	-	5 р. 5 р. 50 к.	-	-	-	-	-	1 р. 1 р. 25 к.	-	70 р. 80 р.	6 р. 50 к. 7 р.	1 р. 2 р. 25 к.

При переводе на наши деньги оказывается, что слуга получал в месяц до 7 р. 50 к., сельскохозяйственный работник в 20-х годах 4 р. 28 к.—7 р. 50 к., а в 30-х от 5 р. 22 к. до 7 р.; поденная плата плотнику в 20-х годах равнялась 95 к.—1 р. 18 к., а в 30-х только 70 к.—87 к.; кузнецу в 20-х годах платили не больше 1 р. 7 к. в день, а в 30-х годах не больше 1 р. 30 к., иногда же около 90 к.; также в 30-х годах вознаграждался дневной труд каменщика, который в 20-х годах ценился несколько выше, чем труд кузнеца: оплата первого доходила тогда до 1 р. 28 к.

Приведенный материал дает основание для ряда общих выводов, важных в дальнейшем исследовании. Вот главные из этих выводов:

1) Цены на деньги и движение этих цен не указывают на крупные изменения в денежном обороте; замечается лишь некоторое улучшение в этом отношении в 30-х гг. XIX в. сравнительно с 20-ми с одной стороны и 40-ми с другой.

2) Цены на продукты сельского хозяйства все время не были особенно высокими, мало чем отличались от нынешних; в 30-х годах они были ниже, чем раньше и позднее.

3) Тот же вывод во всех своих частях справедлив и по отношению к ценам на продукты рыболовства и охоты.

4) Продукты обрабатывающей промышленности были все время чрезвычайно дороги; некоторое понижение цен на них сравнительно с предшествующим временем наблюдается опять-таки в 30-х годах.

5) Заработная плата наемным рабочим не была высокой, но не может быть признана и особенно низкой; в 30-х гг., соответственно общему некоторому удешевлению предметов необходимости, она несколько понизилась.

IV

Земледелие

Переходя к изучению развития сельского хозяйства в Макаровской волости, мы прежде всего остановим внимание на земледелии.

Система сельскохозяйственного производства — вот основной вопрос в этой области. Она определяется в значительной степени соотношением между пашней и паром. Но здесь мы должны

в интересах правильного понимания дела остановиться на одной важной особенности наших источников.

Дело в том, что источники эти, всюду обозначая размеры пашни и парового поля, в то же время, в пределах иногда весьма небольшого промежутка времени, заключают в себе указания на чрезвычайно различные размеры пара. Напр., в 1801 г. площадь парового поля указана в 4600 дес., а в 1802 г. только 9214 дес.; или: в 1835 г. под паром было 8235 дес., а в 1836 г. 346 дес. Это было бы легко объяснить изменениями в размерах пашни, если бы эти изменения действительно соответствовали переменам в размерах парового поля. Но такого соответствия как раз и не существует: в 1802 г. пашня не увеличилась сравнительно с 1801 г., а уменьшилась с 1573 дес. до 1375, а в 1836 г. она, правда, увеличилась с 2760,6 дес. до 3497,4, но это увеличение далеко не соответствует огромному сокращению площади пара, тогда, как мы только что видели, происшедшему.

Остается предположить одно: паром тогда признавалось поле, отдыхающее только *первый* год, и оно одно только рядом с действительной запашкой данного года обозначается в наших документах, пахотная же земля, остававшаяся без распашки два и более года, считалась залежью или перелогом, и площадь ее не исчислялась. Весьма возможно при этом, что пар того времени удобрялся, как это сплошь и рядом встречается на Лене и теперь. Этим пар также отделялся от не исчислявшейся залежи.

Таким образом данные наших источников не дают *полной* картины системы полевого хозяйства. Мы, следовательно, должны внести к ним поправку в том смысле, что тогда имелась на лицо еще не указанная в источниках обширная площадь залежи или перелога.

Принимая это во внимание, приходится признать, что система полевого хозяйства в течение всего изучаемого времени была *переложная* или *залежная*, с примесью однако удобряемого пара и с огромным перевесом залежной площади над площадью действительно распаханной земли.

Севооборот с течением времени все более и более упорядочивался и приближался к правильному трехпольному. Однако, в XVIII веке сохранился след существования чисто двухпольного севооборота, который и позже перемешался и совмещался с

трехпольем: именно в 1778 году в деревне Верхнего Лугу указывается 90 десятин пашни в *двух* полях.

При всем этом в XIX веке соотношение пашни к пару вообще оказывается в пользу пашни в гораздо большей степени, чем XVIII столетии: агрономический прогресс очевидно, совершался, хотя и медленно. Чрезвычайно характерно и любопытно при этом то, что, если вычислить среднее отношение пашни к паровому полю отдельно за XVIII в., за первые годы XIX (до 1812 г.), за 1813 — 1819 годы, за 20-е, 30-е и 40-е годы XIX в., то окажется, что в XVIII в. и в первые годы XIX отношение это равнялось, в среднем, 1,6, т.е. пашня превышала паровое поле лишь несколько более, чем в 1½ раза, в 1813–19 гг. отношение это равнялось 1,8, в 20-х годах оно дошло уже до 2,3, в 30-х до 4,4 и в 40-х понизилось до 2,7 в среднем. Отметим, что здесь встречается весьма точный и ясный параллелизм с явлениями, отмеченными нами при изучении территории и населения Макаровской волости: все это, очевидно, только разные стороны или отдельные элементы одного и того же крупного, общего процесса развития экономических отношений в данной местности.

Все сделанные только что выводы основаны на следующих данных:

Год	Пашня (в десятинах)	Пар (в десятинах)	Отношение между паром и пашней	Среднее отношение за период
1778	202,5	189,2	1,0	1,6
1793	862,5	437,0	1,9	
1799	144,1	36,0	4,0	
1800	158,7	128,7	1,2	
1801	1 573,0	460,0	0,3	
1802	1 375,0	921,2	1,4	
1813	1 796,6	890,4	2,0	1,8
1816	1 641,2	828,7	1,9	
1818	1 972,9	1 196,4	1,6	
1822	2 318,9	836,4	2,7	2,3
1823	2 216,4	965,6	2,3	
1826	2 312,2	1 109,6	2,0	
1833	2 605,5	784,7	3,3	4,4
1834	2 709,9	694,9	3,9	
1835	2 760,6	823,5	0,3	
1836	3 497,4	346,0	10,1	
1848	2 869,4	1 059,3	2,7	

Сравнительное изучение размеров запашки возможно только начиная с 1813 года, так как раньше территория, как мы в свое время видели, была меньше. Из только что приведенной таблицы видно, что изменение размеров запашки по периодам подчиняется тому же общему закону, который отмечен выше. Высшие размеры запашки достигнуты в 1836 г., когда они простирались до 3497,4 дес. и, следовательно, выросли с 1813 года на 1700,8 дес. или на 95,8%, т.е. почти вдвое. К 1848 году запашка уменьшилась, сравнительно с 1836 годом, на 628 дес. или на 17,9%.

Запашка росла, конечно, за счет перелога и отчасти также за счет новых рощистей. Ежегодно во всей волости расчищались из под лесу обыкновенно 10–15–20 десятин под пашню и столько же под сенокос: так в 1822 году было расчищено 26 $\frac{1}{16}$ дес. под пашню и 17 $\frac{5}{16}$ дес. под сенокос, в 1826 г. 9 $\frac{11}{28}$ дес. под пашню и 22 $\frac{1}{32}$ дес. под сенокос, соответствующая цифры 1827 года 14 $\frac{3}{16}$ дес. и 20 $\frac{1}{16}$, а всего с 1817 по 1827 г. было расчищено под пашню 254 $\frac{7}{12}$ дес. и под сенокос 203 $\frac{19}{32}$ дес.

С 1813 г. начались посевы картофеля, которые выше не учтены нами при определении общей площади посевов, так как посевы картофеля исчисляются не количеством десятин, а количеством гряд и весом посеянного. Вот таблица, показывающая рост количества высеваемого картофеля с 1818 по 1836 г.:

Год	Пуды	Фунты
1816	697	25
1818	827	15
1821	1 509	15
1822	1 641	20
1823	1 616	—
1826	1 651	25
1833	2 943	20
1834	3 302	20
1835	2 715	30
1836	2 762	30

Степень густоты посева с одной стороны и урожайности с другой являются также весьма важными показателями степени высоты техники земледельческого производства. Насколько невысока была последняя и как медленно прогрессировала, — видно из следующих фактов:

Обычная густота посева ржи была все время 1 ч. 4 четверика на десятину, очень редко она понижалась до 1 ч. 3 четвериков и повышалась до 1 ч. 5 четвериков и только по одному разу видим непомерно густой посев в 2 ч. 2 четверика и в 2 ч. 4 четверика на десятину, ярица сеялась обыкновенно по 2 чт. на десят., редко несколько гуще. Такова же была обычная густота посева пшеницы, ячменя, гороха, семени конопляного и льняного. Несколько гуще сеяли овес — 2 ч. 1 чк., 2 ч. 2 чк., 2 ч. 3 чк., 2 ч. 5 чк., 2 ч. 7 чк., 3 ч., 3 ч. 1 чк. и даже 3 ч. 5 чк. на десятину.

Вот данные об урожайности за разные годы:

Год	Ярица	Рожь сам.	Пшеница	Ячмень	Овес	Семя конопли	Семя льняное	Горох
1788	2,2	2,6	2,2	2,2	2,5	1,7	—	—
1801	2,0	2,5	2,0	2,4	2,4	2,0	—	3,0
1836	2,7	3,9	3,0	2,4	3,2	3,0	1,0	2,1

Чаще в источниках урожайность выводится суммарно для озимых и яровых хлебов:

Год	Озимые хлеба, сам.	Яровые хлеба
1821	3,3	3,7
1822	5,0	4,0
1824	4,3	4,0
1830	3,2	3,2
1833	2,9	2,8
1834	2,7	2,5
1835	2,2	1,9
1839	3,0	2,3
1849	4,8	2,4

Чтобы закончить картину земледельческой техники, остается представить соотношение посевной площади разных хлебов. Оно видно из следующей таблицы: (см. табл. на с. 188).

Здесь обращают на себя внимание два основных явления: сокращение посевов ярицы и пшеницы и рост посевов ржи и ячменя. То и другое наблюдается, главным образом, с 1813 года, причем надо заметить, что ячмень всегда и раньше занимал видное место по размерам занимаемой им площади, а рожь была сначала второстепенным видом высеваемых хлебов.

Год	Рожь		Ярица		Пшеница		Ячмень		Овес		Горох		Семяко- ноплиное		Семя льняное	
	дес.	%	дес.	%	дес.	%	дес.	%	дес.	%	дес.	%	дес.	%	дес.	%
1778	39 ³ / ₄	19,6	52 ¹ / ₂	25,9	62	3,6	25 ¹ / ₂	12,6	17 ¹ / ₂	8,6	—	—	5 ¹ / ₄	2,7	—	—
1788	2	0,9	74 ¹ / ₂	35,0	39	18,3	55	25,9	28 ¹ / ₈	13,2	—	—	14	6,7	—	—
1793	161 ¹ / ₂	18,7	185 ¹ / ₂	21,4	183 ¹ / ₂	21,4	121 ¹ / ₂	14,1	166	19,2	4	0,4	46	0,4	—	—
1795	—	0,0	95	22,5	54	12,8	104	24,7	95	22,5	46 ¹ / ₂	11,2	26 ¹ / ₂	6,3	—	—
1799	12 ¹ / ₄	8,4	41	28,4	23 ¹ / ₄	16,1	39	27,0	12	8,4	2 ¹ / ₂	1,7	14 ¹ / ₈	10,0	—	—
1800	38	24,1	27 ³ / ₄	17,4	42	26,4	26 ¹ / ₂	16,7	19 ³ / ₄	12,4	—	—	4 ³ / ₄	2,9	—	—
1801	272 ¹ / ₄	17,6	393	25,0	343 ¹ / ₄	21,7	308 ¹ / ₂	19,5	157 ¹ / ₂	10,0	19	1,2	79 ¹ / ₂	5,0	—	—
1802	151	18,4	321 ³ / ₄	23,5	323 ³ / ₄	23,5	281 ¹ / ₄	20,4	140 ¹ / ₂	10,2	6 ¹ / ₄	0,4	56 ¹ / ₂	3,6	—	—
1808	244 ³ / ₄	16,7	352 ³ / ₈	24,0	299	20,3	336 ¹ / ₄	22,9	145 ⁵ / ₈	9,9	28	1,9	61 ¹ / ₈	4,3	—	—
1813	479 ¹ / ₂	27,9	264 ³ / ₄	14,4	253 ⁷ / ₈	14,4	606	34,4	99 ⁷ / ₈	5,6	1/4	0,0	58 ¹ / ₂	3,3	—	—
1816	485 ¹ / ₄	29,8	330 ¹ / ₄	19,4	377 ⁷ / ₈	23,0	304 ¹ / ₂	81,5	75 ³ / ₄	4,6	14 ³ / ₄	0,9	62 ¹ / ₈	3,8	—	—
1818	472 ⁹ / ₁₆	24,2	196 ¹ / ₄	9,9	303 ³ / ₄	15,4	731 ¹ / ₂	37,0	174 ³ / ₄	8,8	7 ⁵ / ₁₆	0,3	86 ¹³ / ₁₆	4,4	—	—
1822	615 ³ / ₄	24,2	141 ¹ / ₂	6,1	315 ⁷ / ₈	13,6	933 ⁵ / ₈	40,2	221 ³ / ₁₆	9,5	11	0,5	80	3,9	—	—
1823	614 ¹⁹ / ₃₂	27,9	142 ¹ / ₂	6,4	310 ¹ / ₄	13,9	860 ³ / ₁₆	38,8	213 ⁵ / ₈	9,6	13 ¹ / ₄	0,6	62 ¹ / ₈	2,8	—	—
1826	695	30,2	221 ¹¹ / ₁₆	9,6	448 ¹⁵ / ₁₆	19,4	627 ³ / ₈	27,1	208 ¹ / ₄	9,0	24	1,0	87	3,7	—	—
1833	737 ¹ / ₄	28,6	221 ⁴ / ₁₆	8,4	457 ¹ / ₂	17,5	714 ³ / ₈	27,4	288	11,0	51 ¹ / ₁₆	1,9	133 ¹ / ₈	5,1	3 ³ / ₁₆	0,1
1834	758	28,3	219	8,0	502 ⁷ / ₈	18,5	828 ⁷ / ₈	30,5	265 ¹ / ₈	9,7	27	1,0	108 ¹ / ₁₆	4,0	1 ¹ / ₁₆	0,0
1835	627	23,1	90 ⁷ / ₈	3,2	209 ¹ / ₂	7,5	1436 ³ / ₁₆	52,0	265 ⁵ / ₈	9,9	18 ⁵ / ₁₆	0,6	111 ⁷ / ₈	4,0	9 ¹ / ₁₆	0,0
1836	1006 ¹⁵ / ₁₆	29,1	102 ¹ / ₄	2,9	196 ¹ / ₁₆	5,6	1929 ⁵ / ₈	55,1	169 ⁵ / ₈	4,6	4	0,1	88 ³ / ₁₆	2,5	5 ⁷ / ₁₆	0,0
1848	993 ¹ / ₄	34,9	110 ¹ / ₄	3,8	187 ¹ / ₄	6,5	1140 ¹ / ₂	39,7	181	6,3	30 ¹ / ₂	1,0	225 ⁵ / ₈	7,8	1 ¹ / ₄	0,0

Переходя от системы или техники производства к изучению вопроса о размерах запашки на двор и на едока, надо констатировать, что в XIX в. сравнительно с XVIII наблюдается некоторый рост средних размеров пашни на двор и вместе некоторое сокращение средних размеров пашни на едока; оба эти обстоятельства, взятые в связи между собою, свидетельствуют об увеличении населенности двора с течением времени. Все это видно из следующего:

Год	Размер пашни на двор (дес.)	Размер пашни на едока (дес.)
1778	3,2	0,6
1823	3,2	0,4
1824	4,1	?
1843	4,3	0,5
1845	4,2	0,5

В общем, следовательно, нужно признать средние размеры пашни за все изучаемое время малыми; то было мелкое, крестьянски-трудоовое хозяйство, обходившееся без наемного труда, собственными силами крестьянской семьи.

Крестьянство Макаровской волости владело государственной землей, причем занимало участки под пашню и сенокос по своему усмотрению. В 1787 г. в Подымахинской и Макаровской волостях предпринята была своеобразная попытка установить постоянные, строго утвержденные пашенные и сенокосные наделы на окладную (т.е. ревизскую, а не наличную) душу. Установлено было, что на окладную душу должно приходиться по $1\frac{1}{4}$ дес. пашни и по 1 дес. сенокоса. По этой норме точно определено было для каждой деревни, сколько «на оныя души вышло» пахотной земли и сенных покосов. Так, напр., в деревне Таюрской числилось 35 окладных душ, пахотной земли было 70 дес, а сенных покосов 48 дес, а «вышло» по вышеуказанным нормам пашни $43\frac{3}{4}$ дес, а сенокоса 35 дес. Остальное должно было быть отрезанным к тем деревням, у которых пашня и сенокос не соответствовали указанным выше нормам. Однако, это осталось, по всем признакам, в области простых предположений, на практике владение землей не было регулировано никакими нормами: по крайней мере, позже не было

никогда никакого соответствия между количеством окладных душ и размерами пашни и сенокоса.

Но хотя земля юридически была собственностью государства и находилась лишь во владении крестьян, крестьяне не только сдавали нередко свои наделы в аренду — таких крестьян в 1823 г. было, наприм., 64 человека, — но и продавали землю друг другу, что и было запрещено особым распоряжением правительства в 1851 г. Все это напоминает аналогичные факты и распоряжения в XVII веке на крайнем севере европейской России⁹.

Уже сопоставление малых размеров запашки на двор и на едока с плохой урожайностью хлебов доказывает, что собственного хлеба жителям Макаровской волости все время не хватало. Но у нас нет недостатка и в прямых свидетельствах источников об этом. Так в 1808 г. на пропитание жителей Макаровской волости осталось 4795 пудов хлеба, причем хлеб этот был «не собственно здешняго Макаровской волости урожая, а из соседственных селений Ангарских, Илимски и Верхоненских покупной». В 1826 году было ввезено в Макаровскую волост и продано хлеба зимой 2000 пудов, летом 9000, всего 11 000 пудов. В деле 1827 г. встречаем замечание: хлеб покупают в соседних волостях — Братской и Илимской — 12 500 пудов в год». В 1835 г. волости хлеба не хватало и покупали его с барок до 22500 пудов в год. Таким образом потребность в покупном хлеб в течение одного десятилетия с половины 20-х до половины 30-х годов — увеличилась более чем вдвое. Так как население в то же время выросло с 5249 чел. обоего пола до 6273 чел., т.е. на 1024 чел., или только на 19,5%, то ясно, что земледелие все меньше и меньше удовлетворяло потребностям населения в хлебе. Таким образом, если земледелие в данной местности вообще все время не играло главной, определяющей хозяйственной роли, то чем ближе к концу изучаемого периода, тем менее значительной была эта роль.

V

Скотоводство

Наши источники доставляют нам следующие данные о количестве голов скота у крестьянского населения Макаровской волости:

Год	Лошадей и жереб.	Крупного рогатого скота	Овец	Свиней
1812	820	1 393	1 967	—
1822	2 149	2 696	3 690	1 991
1827	3 595	5 452	8 809	5 859
1835	2 622	3 473	3 988	2 469
1843	3 250	4 089	5 291	6 362

Таким образом в течение 20-ти лет — с 1822 по 1843 г. общее количество всякого скота в волости увеличилось с 10526 голов до 18992, т.е. на 8466 голов или на 80,4%, тогда как население в то же время выросло с 5111 чел. до 6682, т.е. на 1571 чел. или на 30,7%. В 1822 г на каждого человека приходилось по 2 головы скота, а в 1843 по 2,8 головы. Следовательно, относительное значение скотоводства в хозяйственном быту местного населения по мере приближения к концу изучаемого периода увеличивалось. Отдельные виды скота росли в 1822-1843 гг. в такой пропорции: количество лошадей увеличилось на 51,2%, крупного рогатого скота на 51,6%, овец на 43,3% и свиней на 219,9%.

Эта пропорция указывает на некоторую интенсификацию скотоводства с течением времени: овцеводство — наиболее экстенсивная из ветвей скотоводственного хозяйства — росло медленнее всего, тогда как свиноводство — наиболее интенсивная ветвь скотоводства — росло с чрезвычайной быстротой, в семь раз превышавшей быстроту роста населения.

При всем том нет, конечно, сомнения, что скотоводственное хозяйство все время оставалось экстенсивным. Вопрос только в том, какова была степень этой экстенсивности. Ответ на этот вопрос дается изучением роста кормовых средств для скота — сена и овса. Данные о посевах и урожаях овса приведены были в предшествующей главе. Из них видно, что посеы овса, по крайней мере, не увеличивались и абсолютно и относительно между 1822 годом и 40-ми годами XIX в., урожайность же, по-видимому, даже понизилась. Вот свидетельства наших источников о сборе сена:

Год	Число копен	Год	Число копен
1820	112 780	1842	107 865
1821	121 682	1843	108 775
1835	134 440	1844	110 905
1836	104 460	1845	111 200

Таким образом оказывается, что и сбор сена за 25 лет не повысился, а даже несколько понизился. Следовательно, скотоводство, по крайней мере, не сделалось менее экстенсивным, прокорм скота делался не лучше, а хуже с течением времени.

Уже из всего сейчас сказанного видно, что скотоводство было для местного населения едва ли не важнее земледелия: по крайней мере, первое лучше и полнее удовлетворяло потребности населения в продуктах скотоводства, чем второе — потребности в продуктах земледелия. На ту же важность скотоводства сравнительно с земледелием указывает соотношение между площадями пахотной и сенокосной земли:

Год	Площадь пахотной земли (дес.)	Площадь сенокосной земли (дес.)	Их соотношение
1778	391,2	428,7	0,93 : 1
1796	292,5	238,5	1,2 : 1
1798	334,7	209,5	1,6 : 1
1821	3155,9	2567,5	1,2 : 1
1824	3181,7	2584,9	1,2 : 1
1826	3159,1	2625,3	1,2 : 1
1827	3199,9	2600,8	1,2 : 1
1842	3607,4	2987,5	1,2 : 1
1843	3725,7	3065,7	1,2 : 1
1845	3768,3	3101,4	1,2 : 1

Вывод ясен: сельское хозяйство в Макаровской волости все время было скотоводственным по преимуществу, земледелие же имело меньший удельный вес, чем скотоводство.

VI

Добывающая промышленность

Самым важным из разных видов добывающей промышленности являлась, несомненно, охота и, главным образом, охота за зверями, звероловство.

Вот данные о количестве зверей, добывавшихся в отдельные годы крестьянами Макаровской волости:

Годы	Со- бо- ли	Вы- дры	Ли- си- цы	Белки	Хорь- ки	Гор- но- стаи	Ро- со- махи	Мед- веди	Вол- ки	Со- ха- тые	Оле- ни	Зай- цы
1790	–	–	5	7 715	–	–	–	–	–	–	–	–
1821	25	10	20	65 000	–	–	–	–	–	–	–	–
1824	19	7	30	25 400	510	1550	–	40	–	–	7	750
1839	44	15	95	37 000	870	800	2	65	2	6	35	1 200
1843	31	8	72	45 900	820	828	–	27	–	–	–	–
1844	29	7	71	46 130	778	778	–	43	–	–	–	–
1845	21	5	15	46 000	300	300	–	15	–	–	–	–
1846	16	2	15	35 000	200	270	–	16	–	–	–	–
1847	29	9	60	58 940	640	649	2	24	–	–	–	–
1848	20	3	37	20 670	270	320	–	18	–	–	–	–
1850	9	1	–	13 561	36	46	–	1	–	–	–	–

Цифра 1790 года несравнима с прочими, потому что относится к несравненно меньшей территории, чем последние. Наблюдая цифры первой половины XIX века, получаем прежде всего вывод, гармонирующий с заключениями, полученными при изучении населения, скотоводства и земледелия: тридцатые годы представляют собою время высшего экономического расцвета, большого прогресса сравнительно с двадцатыми, а в сороковых наблюдается упадок. Затем видно, что в 40-х годах добывание всякого рода зверя сильно уменьшилось сравнительно не только с 30-ми, но и с 20-ми годами. Исключение представляют собою только разве соболь и белки, в общем добывавшиеся и в 40-х годах в том же количестве, как в 20-х. Следовательно, к концу наблюдается некоторый упадок звероловства сравнительно с началом, в особенности же с серединой пятидесятилетия.

Сводим воедино данные о ценности добывавшихся зверей, имеющиеся в нашем распоряжении (в ценах того времени):

В 1790 г. всего было добыто зверей на	417	р.	45	к.
–"– 1821	–"–	–"–	–"–	–"–
–"– 1824	–"–	–"–	–"–	–"–
–"– 1827	–"–	–"–	–"–	–"–
–"– 1839	–"–	–"–	–"–	–"–
	20 600	–"–	–"–	–"–
	9 659	–"–	–"–	–"–
	10 768	–"–	–"–	–"–
	16 222	–"–	–"–	–"–

Так как нам известно, что ассигнационный рубль двадцатых годов был равен 1 р. 7 к. на наши деньги, а рубль 30-х годов был равен нашим 87 к., то оказывается, что ценность зверей, добы-

тых в 1839 г., при переводе на наши деньги, составляет 14 113 р. 34 к., а ценность зверей, добывавшихся, в среднем, в 20-х годах была 17 009 р. на наши современные деньги 18 199 р. 63 к. Следовательно, в действительности увеличение количества добывавшихся в 30-х годах зверей сравнительно с 20-ми годами не только не давало соответственного увеличения дохода населения, но сопровождалось уменьшением дохода от звероловства. Впрочем ценность добытых в 1821 г. зверей была, по-видимому, явлением исключительными. Если взять среднюю за 20-е годы цифру 13 676 р., то при переводе на наши деньги это составит годовой доход от звероловства 14 633 р. 32 к., что почти равно доходу 1839 г., переведенному также на наши деньги.

До сих пор мы говорили об охоте, как занятии *крестьян* Макаровской волости. Но, по-видимому, наряду с этим видом звероловства — мелкой крестьянской его формой — существовал еще в XVIII веке и, конечно, также и позднее другой вид — капиталистическое предпринимательство. Один весьма любопытный документ 1791 года дает нам возможность представить себе довольно ясно, как организована была капиталистическая охота на зверя в сибирской тайге того времени. Документ этот носит название: «Ведомость раздельная выведенным на судне св. Георгия Победоносца компании Лебедева-Ласточкина товарам и прочему, кому что по разделению досталось».

По этой «ведомости», предпринимателями были: два тотемских купца Федор Холодилов и Федор Протопопов, московский купец Иван Савельев, вологодские купцы Иван и Афанасий Козловы, Михаил и сын его Андрей Исачевы, иркутский купец Николай Мыльников и, наконец, бывший иркутский губернский прокурор Будищев. Всего, следовательно, было девять предпринимателей. У них было девять работников, причем по два работника имели только Холодилов и Савельев, а Протопопов, Мыльников и Будищев имели каждый по одному работнику; один работник был у обоих вместе Козловых, а также и у обоих вместе Исачевых. Добыто было всего 54 бобра, 12 «медведков», 52 «хвостов», 172 песка, 4 «лисицы-бурянки», 12 «лисиц-сиводушек», 80 красных лисиц, 778 котиков, 39 пудов 20 фунтов кости. Половину этой добычи получила казна, другая половина поступила предпринимателям и их наемным работникам, причем каждый работник работал «из

полулая», т.е. всем работникам поступила четверть всей добычи, а другая четверть досталась на долю предпринимателей, каждый из которых получил количество продукта, соответствующее числу рабочих, у него бывших. Любопытная и важная подробность: все работники были еще ранее начала охотничьей экспедиции в долгу у предпринимателей: один был должен 5 бобров, другой семь бобров, третий $12 \frac{1}{2}$ бобров, четвертый 10 бобров, пятый — $11 \frac{1}{2}$, шестой $7 \frac{1}{2}$, седьмой 10, восьмой $15 \frac{1}{2}$ бобров и 152 р. деньгами и девятый 15 бобров и 386 р. деньгами.

Перед нами — чрезвычайно характерная картина промыслового предпринимательства на начальной ступени развития денежного хозяйства, когда на лицо не имеется еще больших капиталов и многочисленны остатки натурального хозяйства, вроде заработной платы натурой и т.п. Такая организация хозяйства всегда, как и в данном случае, сопровождается закабалением рабочих путем кредита, выдачи части заработной платы натурой или деньгами вперед.

Мы нашли в документах только одно указание на птичью охоту, продукты которой, по-видимому, всецело шли на собственное потребление местных крестьян: в 1835 г. было убито птицы всего 4055 штук.

Некоторую роль играло в Макаровской волости также рыболовство: в 1835 году, напр., рыбы было поймано 3700 пудов, а в 1843 г. только 1575 пудов. Надо также припомнить, что цены на рыбу были довольно высоки, немногим ниже, чем теперь: очевидно, не так уж важно было рыболовство и не так обилён был улов рыбы.

Из остальных отраслей добывающей промышленности упоминаются еще солеварение и золотоискательство; но первое организовано было капиталистически: устькютский солеваренный завод принадлежал казне и сдавался ею в аренду предпринимателям, что же касается добывания золота, то о нем едва упомянуто: тогда в сущности золото еще не добывалось, а только искалось. Таким образом ни соль, ни золото не служили источниками дохода для массы населения.

Итак по форме добывающая промышленность — главным образом охота и рыболовство — была мелкой. Этому соответствовала, конечно, и ее примитивная техника.

Тем не менее следует признать, что, поскольку речь идет о чисто-хозяйственной деятельности, об эксплуатации сил природы для удовлетворения человеческой потребности в хозяйственных благах, постольку охота являлась важнейшей отраслью хозяйства Макаровской волости во второй половине XVIII и в первой половине XIX века.

VII

Обрабатывающая промышленность

Весьма низкий уровень развития обрабатывающей промышленности явствует и из редкого о ней упоминания в наших источниках, и из малочисленности ремесленников, и из слабой дифференциации ремесла. Так в 1834 г. встречаем перечень местных ремесленников, причем оказывается, что было всего 14 кузнецов и 14 плотников и столяров: очевидно, процент ремесленников был совершенно ничтожен, характерно в смысле показания их слабой дифференцированности объединение плотников и столяров в одну категорию, наконец, обращает на себя внимание и примитивность ремесел, упоминаемых в источниках. Очевидно, это было просто мелкое кустарничество, рассчитанное на узкий местный рынок. Все это подтверждается и позднейшими данными: так в 1839 г. в волости была 21 кузница, в 1843 г. — 24. Рост кузнечного дела — вообще мелкой железоделательной или металлообрабатывающей промышленности — несомненный, но несомненно также и то, что эта промышленность оставалась все время мелким кустарничеством, обслуживая только местный рынок и, вероятнее всего, рассчитана была на определенного заказчика.

Кроме кузнецов, плотников и столяров в Макаровской волости не раз упоминаются еще мельницы. В 1813 г. всех мельниц было 32, в 1822 году 96: 61 старых и 35 новых, что указывает на быстрый рост мельничного дела. Это подтверждается и данными 1824 года, когда всех мельниц было уже 119. Но далее наблюдается убыль числа мельниц: в 1839 г. во всей волости их было только 100, в 1843 — 101. Мельницы принадлежали, по-видимому, отчасти местным отдельным крестьянам, на что прямо указано в документе 1813 года, — отчасти мирским обществам, которые, напр., в 1839 г. «сдали в содержание» (т.е. в аренду)

отдельным крестьянам 77 мельниц. Так как всех мельниц в волости тогда было 100, то, очевидно, в частной собственности крестьян было в 1839 г. только 23 мельницы.

Размеры производства в мельничном деле были разнообразны: были мельницы, смалывавшие в год всего по 50 пуд. зерна, и были такие, которые перерабатывали и 1000, даже 3500 пудов; чаще всего встречались мельницы, перемалывавшие 400–500 пудов зерна. В общем производство все-таки было мелким, с невысоким уровнем техники, что видно, между прочим, и из следующего факта: в 1824 г. во всей волости было 113 мельниц «мутовчатых» и только 6 «колесчатых». Низкий уровень техники и мелкая форма производства не подлежат сомнению также и по той причине, что, по-видимому, доходность отдельных мельниц была весьма невысока: по крайней мере, в 1839 г. мирские общества Макаровской волости могли «сдать в содержание» принадлежавшие им 77 мельниц всего за 99 р. 10 к., в среднем, значит, не более, чем по 1 р. 29 к. каждую, что при переводе на наши деньги составляет только 1 р. 5 к. В 1813 г. мололи по 5 к. с пуда, т.е. при помоле в 500 пудов годовой валовой доход не превышал 25 р. на деньги того времени, или 26 р. 75 к. на наши деньги.

Из всего сказанного об обрабатывающей промышленности в Макаровской волости за изучаемое нами время видно, что эта отрасль производства серьезного хозяйственного значения в то время не имела. Самое большее, что она давала, — это подсобные занятия части местного крестьянства. Нет также сомнения, что она не в силах была удовлетворить в сколько-нибудь достаточной мере хотя бы некоторую заметную часть потребностей местного населения в продуктах обрабатывающей промышленности. Очевидно, главную массу этих продуктов население приобретало со стороны путем торговли.

VIII Торговля

Торговля Макаровской волости в XVIII и начале XIX в. носила, несомненно, караванный характер. Зимой и летом снаряжались караваны саней и лодок, на которых привозились сюда разные товары, главным образом, хлеб и продукты обрабатывающей промышленности, а затем отсюда увозились местные

товары, по преимуществу, если не исключительно, меха. По некоторым данным можно заключить, что сначала, по крайней мере до конца первого десятилетия XIX века, местные жители сами возили большую часть товаров вверх по Лене и далее — до Иркутска и там закупали хлеб. Так в 1802 г. жители Макаровской волости «зимой на пропитание покупали хлеб в Иркутске». Иркутск, значит, играл тогда такую же роль торгового центра, простиравшего свое непосредственное влияние на 1000 верст и далее, какую играла для крайнего севера Европейской России в XVI веке Москва¹⁰.

Спустя несколько лет мы встречаем, однако, заметную перемену: уже в 1808 г. хлеб в количестве 4795 пудов покупали «из селений ангарских, илимских и верхоленских». Очевидно, рынки закупки хлеба придвинулись к северу. Это естественно: провоз из Иркутска был слишком дорог; местности по верховьям Лены, Илим и Ангаре населялись и земледелие в них развивалось, наконец, с ростом населения в самой Макаровской волости к ней привлекалось внимание капиталистов хищнического типа — скупщиков.

И вот, по-видимому, на рубеже первого и второго десятилетий XIX в. караванная система осложняется прибавкой ярмарок. По крайней мере, в 1820 г. мы встречаемся с двумя вполне сложившимися ярмарками в Макаровской волости. Не следует себе представлять, что эти ярмарки происходили в одном определенном месте: нет, торг производился в каждом селении особо, начиная за 286 верст от Киренска, т.е. приблизительно от Усть-Кута по мере передвижения торгового каравана на север. Первая из этих ярмарок происходила весной — с 10 мая по 1 июня, — «с открытием на реке Лене коммуникации», вторая — осенью, с 15 ноября по 15 января, «по выходе зверопромышленников с промысла». Такие же две ярмарки упоминаются в 1824 году и в 1835 г. Но в 1839 г. встречаем уже только одну ярмарку, вероятно, весеннюю, всегда бывшую, как сейчас увидим, более оживленной.

Обороты ярмарок видны из следующих цифр: в 1820 г. на весенней ярмарке было продано «ввозных» (т.е. привозных, не местных) товаров на 62 500 р., местных товаров — на 12 тыс. р.; на осенней ярмарке привозных товаров было продано на 6 тыс.

руб. и местных на 12 500 р. В 1824 г. на первой ярмарке было «ввозных» товаров на 55 000 р., местных на 5800 р., на второй ввозных на 4700 р., местных на 4680 р.. В 1835 г. на обе ярмарки привезено было разных товаров на 83 050 р., съестных припасов на 1610 р., скота на 870 р., всего на 85 530 рублей. Итак общий ярмарочный оборот 1820 г. простирался до 93 000 р., 1824 г. до 70 180 р., а в 1835 г. он равнялся 85 530 р.

Не надо однако забывать, что оборот ярмарок 1835 г. не выражает всего торгового оборота Макаровской волости даже только в ее сношениях с другими местностями. Это видно из того, что на ярмарку этого года съестных припасов, как только что было сказано, было привезено всего лишь на 1610 р., а между тем в этом же самом году Макаровская волость купила одного только хлеба на 60 800 р.: именно 22 500 пудов по 2 р. 70 к. каждый.

Это заставляет нас выделить особо покупку хлеба и проследить перемены в этом отношении за изучаемое время:

Год	Сколько куплено хлеба (пуд.)	На какую сумму (р.)
1808	4 795	Неизвестно
1823	5 782	15 033
1826	11 000	Неизвестно
1827	12 000	12 500
1835	22 500	50 750

Итак, Макаровская волость с течением времени все больше и больше нуждалась в привозном хлебе. Это, несомненно, сильно подрывало натуральные хозяйственные устои, превращало хозяйство в меновое, денежное, товарное. Вообще изучение торговли указывает, что в течение всего изучаемого времени хозяйство Макаровской волости уже не было натуральным, а переживало первую стадию товарного хозяйства, когда, при мелком производстве, развивается торговый капитализм. Как видно из данных о хлебной торговле, эта капиталистическая струя постепенно все усиливалась к половине XIX века.

Сколько капиталистов скупщиков являлось на ярмарки, видно из данных 1820 года: на весеннюю ярмарку они приехали в числе 150 чел., на осенней их было 50. Как высока была прибыль, показывает сообщение, что при продаже местных товаров на 12 тыс. р. на весенней ярмарке 1820 года прибыль равнялась

6000 р., а на осенней ярмарке того же года продано было товаров на 12 500 р., а прибыли получено 6250 р. Значит, торговая прибыль равнялась 50%.

IX

Бюджет населения Макаровской волости

Прежде чем перейти к общей характеристике положения и развития народного хозяйства в Макаровской волости конца XVIII и первой половины XIX века, необходимо учесть значение еще целого ряда хозяйственных явлений, не нашедших себе места в предшествующем изложении. Сюда относятся, напр., ямская гоньба, доход от транспорта — перевозки кладей и тяги судов, податное обложение — государственное и мирское и т.д. Все эти частности и другие им подобные уяснятся и, что главное, сложатся в единое стройное целое, если мы попытаемся в общих чертах изобразить бюджет населения.

Речь пойдет, конечно, не о бюджете отдельных домохозяев и даже не о доходах и расходах того или другого типического крестьянского хозяйства, — как ни важно было бы все это, — у нас нет данных для его изображения. Картина, которую ты попытаемся набросать, будет по необходимости общей, суммарной. Тем не менее и она имеет весьма большой интерес и прибавит несколько важных черт к общей характеристике народного хозяйства.

Учтем сначала денежный доход населения Макаровской волости, помня, что доход от земледелия и скотоводства потреблялся натурой самим населением.

Год	От почтового разгона		От продажи зверей		От перевозки кладей и тяги судов		Прогонов с проезжающих		Всего
	Сумма	%	Сумма	%	Сумма	%	Сумма	%	
1826	53 050 р.	80,1	10 768 р.	16,3	1 500 р.	2,2	900 р.	1,4	66 219 р.
1835	46 942 р. 50 к.	71,9	12 794 р.	19,6	3 000 р.	4,6	2 500 р.	3,9	65 236 р. 50 к.
1843 ¹¹	Неизвестно								9 590 р.

В этой таблице важно то, что доход от почтовой гоньбы уменьшался не только абсолютно, но и относительно; повышались только доходы от прогонов с проезжающих, продажи зверей, перевозки кладей и тяги судов. Это свидетельствует об

экономическом прогрессе, происшедшем в промежуток времени от 20-х к половине 30-х годов. Что касается изменений в общих итогах дохода, то для того, чтобы судить об этом, необходимо перевести итоги каждого года на деньги нашего времени. Тогда окажется, что в 1826 г. весь доход равнялся 70 753 р. 26 к., в 1835 г. 56 755 р. 75 к., в 1843 г. 44 114 рублей. Доход населения сильно уменьшался, причем, по-видимому, это уменьшение приходилось, главным образом, на падение дохода от ямской гоньбы: на это указывает рост дохода от продажи зверей, перевозки кладей и тяги судов в 1835 г. сравнительно с 1826, а также и то обстоятельство, что, по крайней мере, рост дохода от продажи зверей в 40-х годах, сравнительно с 30-ми (если не считать особо стоящего начала 20-х годов) увеличивался: в 1835 г., как видно из вышеприведенной таблицы, этот доход равнялся 12 794 р., а в 1839 года 16 222 р. на ассигнации или 14 113 р. 14 к. на наши деньги. Очевидно, ямская гоньба из статьи, весьма доходной для населения, пока последнее было малочисленно, с ростом числа жителей становилась для них все менее выгодной, хотя все таки составляла не менее $\frac{7}{10}$ всего дохода.

Сделаем теперь, насколько то возможно, сводку расходов населения, опять-таки не забывая, что здесь учитывается только денежный расход, расход же натурой — собственное потребление продуктов, добываемых в местном хозяйстве, в расчет не входит. Впрочем, не поддаются учету также еще две статьи денежного расхода — на вино и на соль.

Статьи расхода		1827	1835	1843
Подати	Сумма	23 908 р. 50 к.	30 481 р. 00 к.	8 652 р. 61 к. ¹²
	%	50,2	34,2	27,6
Земские повинности	Сумма	5 106 р. 43 $\frac{1}{2}$ к.	5 260 р. 02 к.	1 677 р. 79 к. ¹³
	%	10,7	5,9	5,3
Мирские повинности	Сумма	2 109 р. 75 к.	2 694 р. 02 к.	302 р. 83 к. ¹⁴
	%	4,5	3,0	1,0
Покупка хлеба	Сумма	16 500 р. ¹⁵	50 750 р. 00 к.	20 772 р. 00 к.
	%	34,6	56,9	66,1
Всего		47 624 р. 68 $\frac{1}{2}$ к.	89 185 р. 04 к.	31 405 р. 23 к.

Переводя итоги расходов на современные деньги, получаем: в 1827 г. всего расходовалось 50 918 р. 43 к., в 1835 г. 77 590 р.

95 к. и в 1843 г. 144 463 рубля. Ясно таким образом, что расходы населения росли очень сильно: мало того, что увеличивалось податное обложение во всех его видах, — очень сильно и быстро рос расход на покупку хлеба, так как земледелие все в меньшей степени удовлетворяло потребности населения.

В результате, если сравнить доход с расходом, получается все растущий с каждым десятилетием дефицит. В 20-х годах был еще остаток в 18 593 р. 31 ½ к. (доход равнялся в 1826 году 66 218 р., а расход 1827 г. — 47 624 р. 68 ½ к.), в 1835 г. дефицит — при доходе в 65 236 р. 50 к. и расходе в 89 185 р. 04 к. — доходил до 23 948 р. 54 к., а в 1843 г., когда доход равнялся 9590 р., а расход 31 405 р. 23 к., получался дефицит в 21 814 р. 77 к. Это вело, разумеется, к задолженности населения, особенно к росту займов хлебом из запасных магазинов, и к недоимкам в податях и повинностях. Так, наприм., в 1839 г. числилось всего недоимок 3458 р. 65 ½ к., из них 2892 р. 40 ½ к. за прежние годы и 566 р. 25 к. за 1839 год. Сумма этих недоимок составляет около 10% податного оклада 1835 года. Ясно, таким образом, что к половине XIX века назревал экономический кризис, действительно выступал на первый план вопрос о ликвидации каких-то устаревших элементов народного хозяйства, препятствовавших его развитию.

Х

Общая характеристика положения и развития народного хозяйства в Макаровской волости конца XVIII и первой половины XIX века

Переходя от подробностей к характеристике целого, к окончательным обобщениям конкретного материала, сведенного и систематизированного в предшествующем изложении, необходимо в интересах дела остановиться ненадолго на некоторых важных общих, теоретических вопросах, без решения которых невозможно идти вперед в данном случае.

Хорошо известно обычное деление хозяйственной истории на два больших периода — период натурального, безобменного хозяйства и периода хозяйства денежного, менового, товарного. Бюхер¹⁶ ввел существенную перемену в это деление, указав, что между безобменным и народным-товарным хозяйством есть

еще промежуточное звено — период городского хозяйства, которое лучше было бы, однако, назвать денежным хозяйством, рассчитанным на небольшой, узкий местный рынок, потому что при таком хозяйстве далеко не всегда торговым центром является непременно город. Позднее Зомбарт¹⁷ предложил другое, тоже трехчленное деление хозяйственного развития, но, на наш взгляд, деление Бюхера гораздо удачнее, особенно если сделать в нем указанное сейчас терминологическое изменение и отказаться от несостоятельной всемирной исторической точки зрения, на которой стоит Бюхер, вытягивающий всю историю человечества в одну линию и зачисляющий, напр., всю древнюю историю в период натурального хозяйства, ошибочность чего справедливо указал Эдуард Мейер¹⁸: древность, и особенно греко-римская древность пережила ряд стадий экономического развития и дошла до преддверия современного капитализма. Не человечество, как целое, а отдельные народы и страны совершают хозяйственную эволюцию, закономерность которой должны определить история и основанная на ней социология.

Этого, однако, еще мало. Надо еще дальше детализировать схему Бюхера, разбить каждый из трех больших периодов хозяйственного развития на отдельные моменты, внести эволюционную точку зрения в изучение каждого периода. Это мы должны сделать и в данном случае.

Нет никакого сомнения, что территория, занимавшаяся в конце XVIII и первой половине XIX века обширной Макаровской волостью, сначала была ареной натурального, безобменного хозяйства. Так было тогда, когда сюда проникали первые колонисты и устраивались отдельными семьями, основывая починки и деревни. Но в эпоху, когда мы застаем эту территорию, это уже давно отошло в прошлое.

Предшествующее изложение в достаточной степени показывает, что в пределах изучаемого нами времени следует прежде всего выделить первый момент — конец XVIII и первое десятилетие XIX века. И уже в этот момент хозяйство данной местности не было не только безобменным, натуральным, но не может быть названо даже товарным хозяйством с исключительно или преимущественно местным, узким рынком. В самом деле: уже тогда платились *денежные* подати и повинности, уже тогда по-

купали чуть ли не за тысячу верст — в Иркутске — хлеб, уже тогда сбывали там же, и приезжим скупщикам, меха. Конечно, остатки натурального хозяйства сохранялись (напр., в плате отчасти натурой рабочим, нанимаемым звероловами — капиталистами из купцов и дворян, в потреблении крестьянами в собственном хозяйств продуктов земледелия и скотоводства), но то были лишь обломки уже исчезнувшей старины. Конечно, уцелели еще и остатки товарного хозяйства, рассчитанного на узкий местный рынок, напр., в продаже хлеба одними местными жителями другим, в мелком кустарничестве и ремесле, имеющих в виду только местного потребителя. Но здесь, как и вообще в России, товарное хозяйство с узким рынком существовало и в прошлом недолго: санный путь и речные, водные артерии представляли собою слишком большие удобства для торговли на широком пространстве, чтобы узкий местный рынок надолго оставался замкнутым. Уже в XVIII веке он был разбит караванной торговлей и заменен рынком обширным.

Совершенно ясно, таким образом, что по типу и ступени хозяйственного развития Макаровская волость конца XVIII и первого десятилетия XIX века являла собою близкое подобие крайнему северу Европейской России в XVI веке: это была область с денежным хозяйством, рассчитанным уже на обширный рынок, но основанным на караванной торговле. Мы застаем ее притом в состоянии кризиса: население прилиvalo, экономические связи крепили и упрочивались, но они еще не завязались в плотный, тугой узел: территория делилась на пять малых волостей, разрозненных между собою, необъединенных; рост населения шел туго, процент непроизводительного населения был высок, земледельческая техника низка, скотоводство слабо развито, караванная система торговли, возглавлявшая большую часть транспорта на собственные риск, страх и силы крестьянского населения непосредственно, перестали уже удовлетворять в достаточной степени потребности. Таков был первый момент товарного хозяйства с обширным рынком, изучаемый нами: не только производство было мелким, мелкой по размерам предприятий была, по крайней мере, по преимуществу также и торговля. И в этом последнем обстоятельстве крился как раз наиболее уязвимый пункт всей хозяйственной

организации, явившийся исходной точкой дальнейших перемен, позднейшего развития.

Именно в следующий затем момент — в 20-е и 30-е годы XIX века — торговля приобретает более крупные формы — появляется торговый капитализм в виде капиталистов-скупщиков, торговых посредников, действующих не вдали от волости, где-нибудь в Иркутске, а сотнями появляющихся на образовавшихся здесь местных ярмарках. Из караванной торговля стала ярмарочно-караванной. И вот мы видим, как пять мелких волостей слагаются в одну крупную, как усиливается рост населения, увеличивается в его составе процент производительного элемента, дешевеют деньги, понижаются цены на разные товары, улучшается земледельческая техника, растут размеры запашки, прогрессирует скотоводство, успешнее идет охота, разворачивается настоящее товарное хозяйство. И все эти явления с полной яркостью и ясностью обрисовываются как раз в 30-е годы, когда достигается высшая точка развития, возможная при данных условиях для товарного хозяйства.

А в 40-х годах наблюдается новый упадок, опять наступает кризис: рост населения идет снова медленнее, чем в 30-х годах, процент производительного населения понижается, деньги дорожают, цены на все товары повышаются, техника земледелия ухудшается: пар растет на счет пашни, размеры запашки уменьшаются; охота регрессирует, падают доходы, увеличиваются расходы, и тяжелым гнетом ложится на население дефицит с его неизбежными спутниками — задолженностью и недоимочностью.

В чем причина этого кризиса? В том же, в чем была его причина тогда и в Европейской России: в крепостном праве. Правда, Сибирь не знала закрепощения помещиком, прикрепления к личности землевладельца-дворянина; правда, еще в XVIII веке монастырские и церковные крестьяне были секуляризованы — переданы в ведомство коллегии экономии (значительная часть таких «экономических» крестьян были в составе населения Макаровской волости), но это означало все-таки, что сибирские — в том числе и макаровские — крестьяне были крепостными государства и в качестве таковых были прикреплены к земле и тяглу. Это порождало вредную опеку, неудачные примеры которой (безуспешные попытки регулировать размеры наделов,

напр.), нам известны. Можно думать также, что в упадке дохода от ямской гоньбы в 40-х годах также повинно крепостничество: государственный крепостной не был свободным контрагентом в торгах на ямскую гоньбу и терпел убытки. Приближался капитализм — конечно, грубый, хищнический, готовый вселиться в самые недра деревни, — и старые крепостные пути должны были пасть. Накануне этого переворота, при первых признаках и предпосылках его, мы и наблюдаем сибирскую деревню в сороковых и пятидесятых годах прошлого столетия.

Примечания

¹ Так, ко всему XVIII веку относится только 29 дел, в начале XIX в. к одному году относится обыкновенно два или три дела; так к 1812 г. — два дела, к 1813 — четыре и т.д.

² Таковы приходо-расходные книги, разносные тетради, книги входящих и исходящих бумаг, ведомости, годовые отчеты и проч. и проч. ... Насколько увеличилось делопроизводство уже в сороковых годах XIX века, — видно из того, что в 1844 году одна разносная тетрадь заключала в себе целых 168 листов...

³ За каждый год, как видно по описи, числится по 5, 6, восьми, десяти и более дел, в которых листы считаются сотнями и иногда превышают немного тысячу.

⁴ Вот перечень этих деревень: Макаровская, Скабольская, Верхолугская, Кутимская. Мочальская, Сидоровская, Ляпуновская, Хабаровская, Устькутская, Култукская, Максимовская, Шипининская, Каймоновская, Разбойниковская, Карповская, Балаханская, Якуримская, Половинская, Подымахинская, Казарочная, Борисовская, Кокуйская, Таюрская, Марковский пог., Оболкинская, Верхнемарковская, Назаровская, Суховская, Глуховская, Сабашная, Тирская, Улканская, Казимеровская, Красноярская, Леоновская, Потаповская, Любавская, Карасевская, Криворотская, Панская, Балашевская, Оланцевская, Пашинская, Заборская, Кривошукская, Вологдинская, Лаврушинская, Лазаревская, Федеряшинская, Чертовская, Курдинская, Кулебакинская, Поворотская, Кривошапкинская, Воронинская, Прокопьевская, Юкеевская, Пахаруковская, Деминская, Рыковская, Осиповская и Мартыновская.

⁵ Мысовская, Осиповская, Парфеновская, Ключевская, Казачья, Карнауховская, Верхнекорелинская, Нижнекорелинская, Юхтинская, Верхнеуль-канская, Акунайская.

⁶ По справочным ценам пароходства бр. Глотовых. Ср.: Серебренников И. Записка об экономическом положении района железной дороги Иркутск–Жигалово. Иркутск, 1912. С. 26.

⁷ За эти годы цены указаны на серебро.

⁸ За этот год цены на серебро.

⁹ См. по этому поводу интересные данные в работах П.И. Иванова о землевладении и хозяйстве на севере в издании «Древности. Труды Археографической Комиссии Императорского Московского Археологического Общества».

¹⁰ См. мою книгу «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.». М., 1899.

¹¹ Сумма здесь указана на серебро, тогда как в предыдущие годы на ассигнации.

¹² В том числе 8568 р. подушных и 84 р. 61 к. на межевание.

¹³ В том числе 1428 р. 6 к. казен. повин., 84 р. 61 к. на продовольствие и 165 р. 12 к. на составление хозяйственного капитала.

¹⁴ Эта цифра получена в результате следующих вычислений: обычная потребительная норма хлеба была тогда в Макаровской волости 25 пудов на человека, причем четверть весила 9 пудов. В 1843 г. из урожая осталось на пропитание 13 945 четвертей или 125 505 пудов. Так как наличных душ в то время было 6682, то на их пропитание необходимо было 167 050 пуд.; следовательно не хватало на пропитание населения 41 545 пудов; средняя цена пуда хлеба тогда была 50 к. серебром. В результате и получается необходимость для населения волости купить хлеба на 20 772 р.

¹⁵ Куплено было хлеба 11 тыс. пудов, среднюю цену по 1 р. 50 к.

¹⁶ «Происхождение народного хозяйства».

¹⁷ «Современный капитализм».

¹⁸ «Экономическое развитие древнего мира».

Публикация Д.Я. Майдачевского